

традиций на протяжении почти тысячи лет. В докладе *Н.А. Алексеевко* (Севастополь) «Боспор в сфере интересов византийской администрации Таврики во второй половине X в.» на основе находок византийских моливдовулов был четко очерчен круг интересов Византии в Таврике. И, судя по всему, с последней четверти IX в. Боспор вновь полностью принадлежит Византии. Новые открытия древнерусских древностей были освещены в докладе *Г.Ю. Ивакина* (Киев) «Клад 1997 г. из Михайловского Златоверхого монастыря».

На последней постерной сессии были представлены стендовые доклады *В.Н. Холодкова*, *О.А. Ивановой*, *Л.Ю. Пономареев* «Раннесредневековый могильник в с. Ново-Николаевка», *В.А. Сидоренко* (Симферополь) «Новые находки византийских монет в Керчи и окрестностях»; *М.А. Никифорова* (Симферополь) «Константин Багрянородный и вопрос о Херсонских привилегиях в IX–X веках»; *В.Е. Науменко* (Симферополь) «К вопросу о титулах “гонарх” и “Кир” в истории Таврики конца VIII – начала IX вв.»; *Н.В. Жилиной* (Москва) «Зернь и филигрань у славян в VIII–IX вв. (заимствования и самостоятельность)»; *И.В. Ачкинази* (Симферополь) «От кризиса к этноконфессиональной консолидации иудеев Кафы в начале XVI в.»; *О.С. Мавериной* (Киев) «Гепуэско-татарские отношения начала XV века (к историографии вопроса)». *Ю.Л. Белик* (Керчь) «Элементы итальянской системы укреплений в профиле крепости Бни-Кале».

В заключительной дискуссии были обсуждены основные итоги шестых Боспорских чтений и тематика дальнейших археологических конференций на Боспоре. К началу конференции были изданы очередные 8-й и 9-й тома «Боспорских исследований», а также сборник научных материалов Международной археологической конференции «Шестые Боспорские чтения» – «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизации, катастроф» (ред.-сост. В.Н. Зинько. Керчь, 2005. 383 с.).

В.Н. Зинько

© 2006 г.

СЕДЬМЫЕ ЖЕБЕЛЁВСКИЕ ЧТЕНИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (26–28 октября 2005 г.)

26–28 октября 2005 г. на историческом факультете Санкт-Петербургского государственного университета состоялась седьмые Жебелёвские чтения, которые были организованы кафедрой истории древней Греции и Рима и ЦСЯТРОМ антиковедения СПбГУ. В этом году ставшие уже традиционными Чтения были посвящены 150-летию со дня рождения выдающегося отечественного антиковеда Василия Васильевича Латышева. На конференции, в которой приняли участие антиковеды Петербурга, Москвы, Астрахани, Великого Новгорода, Вологды, Гатчины, Ижевска, Казани, Нижнего Новгорода, Перми, Самары, Сыктывкара, Твери, Тобольска, Уфы, было прослушано и обсуждено 59 докладов.

Конференцию открыл декан исторического факультета профессор *А.Ю. Дворниченко*. В своем вступительном слове он подчеркнул особое место науки об античности в структуре современного исторического знания и высоко оценил проводимые на факультете Жебелёвские чтения. Затем с докладом, посвященном жизни и деятельности В.В. Латышева, выступил заведующий кафедрой истории древней Греции и Рима СПбГУ профессор *Э.Д. Фролов*. Кратко остановившись на главных вехах жизненного пути В.В. Латышева (1855–1921), он затем обстоятельно охарактеризовал его многогранную деятельность как ученого, внесшего неоценимый вклад в развитие северопричерноморской эпиграфики, как педагога и ревнителя классического образования, наконец, как видного администратора. По мнению Э.Д. Фролова, деятельность В.В. Латышева по своим масштабам и значению для русской науки об античности несколько не уступает деятельности его младших современников – С.А. Жебелева и М.И. Ростовцева, чье выдвигание впоследствии на первый план было обусловлено не только научными, но и политическими факторами. Особо подчеркнул докладчик драматический финал жизни Латышева, ставшего после Октябрьской революции свидетелем разрушения дорогих его сердцу традиций и институтов классического образования и не пережившего их гибели.

Первое пленарное заседание 26 октября 2005 г. (председатель – Э.Д. Фролов) было посвящено общим проблемам античной истории. Из прочитанных пяти докладов четыре были посвящены греческой тематике. *В.В. Шувалов* (Гатчина) в докладе «Афины и колонизация (к проблеме неучастия Афин в общем колонизационном движении)» отметил, что основную причину неучастия

Афин в Великой греческой колонизации следует искать в их незаинтересованности в основании заморских колоний. В архаических Афинах, по мнению автора, в своей основе сохранилось прежнее ахейское население, которое отличала многовековая привязанность к родной земле, в силу чего для афинян было нелегко решиться порвать с отечеством навсегда. Впрочем, как подчеркнул В.В. Шувалов, определенное значение имели наличие относительно богатого земельного фонда и вовлеченность населения в процесс объединения Аттики как раз тогда, когда колонизация Средиземноморья шла полным ходом.

Доклад Э.В. Рунга (Казань) «Эллинская клятва перед битвой при Платеях (проблема интерпретации текста)» был посвящен рассмотрению древних свидетельств относительно клятвы, принесенной эллинами перед битвой с персами при Платеях в 479 г. до н.э. В докладе были сопоставлены три версии клятвы – у афинского оратора Ликурга, у Диодора Сицилийского и афинская версия на стеле из дема Ахарны, а также выявлены противоречия в этих трех версиях. Автор доклада приводит аргументы в пользу подлинности последнего документа, каковая ставилась под сомнение в науке нового времени. В докладе сравнивается содержание клятвы с другими свидетельствами из истории Греко-персидских войн. Это сравнение позволяет заключить, что клятва играла заметную роль в осознании греками целей войны с Персией и в формировании в греческой идеологии концепции противостояния с Персией.

В.М. Строецкий (Нижегород) в докладе «Роль народного собрания в коммуникативных отношениях в классическом полисе» отметил, что полномочия собрания даже в демократическом афинском полисе ограничивались пританами, реилавпами, сообщать ли информацию народному собранию в полном или частичном виде или совершенно скрыть ее от граждан. Тем не менее, литературная традиция свидетельствует о том, что граждане, либо по своей инициативе, либо побуждаемые политиками, осуществляли неофициальное обсуждение некоторых тем еще до созыва собрания. По мнению автора, народное собрание в демократическом полисе, помимо всего прочего, выполняло своеобразную общественную функцию, посредством которой у граждан формировалось осознанное отношение к делам государственной важности. Они использовали известную им информацию, чтобы составить собственное мнение и затем активно участвовать в процессе официального обсуждения и принятия решений на народном собрании.

В докладе В.В. Антонова (Нижегород) «Были ли заинтересованы в возрождении Афинской империи полисы Эгеиды?» на основе анализа преимущественно археологических и эпиграфических источников были рассмотрены некоторые аспекты торговых взаимоотношений полисов Эгеиды с районом Северного Причерноморья. Автор пришел к выводу, что необходимость поддержания и развития товарооборота должна была способствовать развитию проафинских тенденций во внешней политике этих полисов, так как только сильные Афины могли обеспечить безопасную торговлю с Северным Причерноморьем.

Заключил пленарное заседание доклад Ю.Б. Циркина (Санкт-Петербург–Великий Новгород) «Историк Финикии Клавдий Иолай». Автор попытался реконструировать жизнь и труд одного из малоизвестных греко-римских историков, писавших о Финикии, – Клавдия Иолая (I–II вв.). Анализ сохранившихся фрагментов его произведения, состоявшего не менее чем из трех книг, показывает, что свое изложение писатель начинал с мифологического материала, а затем переходил к историческому. В этом произведении содержались также сведения (как мифологического, так и исторического характера) и о соседях Финикии, так или иначе связанных с ней. Клавдий Иолай не пользовался особой популярностью, о нем вспомнили только в византийские времена, что привело к потере значительного материала по истории Финикии.

Во второй половине дня работали секционные заседания. На секции, посвященной проблемам истории древней Греции (председатель – В.М. Строецкий), было представлено пять докладов, касавшихся различных, подчас очень специальных тем греческой архаики. Такой именно характер носили доклады: М.Н. Химицина (Санкт-Петербург) – «Миф о гибели Троицы (к вопросу об инициации героя)», М.Ю. Лантевой (Тобольск) – «Мелийская война в истории Гомеровской Ионии», П.В. Ковалева (Москва) – «К проблеме конфликта Митилены и Эрифр в эпоху поздней архаики», А.В. Леонтьева (Санкт-Петербург) – «К истории греческой колонизации VIII–VI вв. до н.э. (ахейские колонии Южной Италии)». Обстоятельный доклад «Пилейско-дельфийская амфиктиония в V в. до н.э.» представила О.В. Кулишова (Санкт-Петербург). Особое внимание автор обратила на свидетельства важнейшего источника по истории Греции архаического и раннеклассического периода – «Истории» Геродота. По мнению автора, сведения, сохранившиеся у Геродота, несмотря на то что он специально не делает экскурсов в историю Пилейско-дельфийской амфиктионии, создают весьма внушительную и объемную картину деятельности союза амфиктионов и той важной роли, которую он играл в религиозно-политической жизни Греции в классическую эпоху. Кроме того, по мнению О.В. Кулишовой, данные Геродота свидетельствуют о том, что важнейшие черты более ранней истории Амфиктионии нашли вполне отчетливое отражение в традиции V в. до н.э. и вовсе не были позднейшим изобретением, отражающим панэллинские идеи несколько

ких интеллектуалов, или мифом, который становится известным во II-I вв. до н.э., а законченную форму приобретает в эпоху Империи.

В этот же день на заседании секции по истории эллинизма (председатель – Г.С. Самохина) были прослушаны и обсуждены шесть докладов. Первые три касались отдельных эпизодов политической истории эллинизма. *М.М. Холод* (Санкт-Петербург) в докладе «Об одном финансовом назначении Александра Великого» остановился на разборе свидетельства Арриана о финансовых преобразованиях в державе Александра в 331 г. до н.э., а именно – о назначении некоего Филоксена для сбора налогов в Малой Азии. Критически рассмотрев различные точки зрения современных исследователей на те функции, которые должен был осуществлять Филоксен в Малой Азии, докладчик пришел к выводу, что в круг обязанностей македонского чиновника входил тогда как сбор налога (синтаксиса) с греческих полисов побережья, так и сбор подати (фороса) с малоазийских сатрапий, располагавшихся в пределах так называемой «Азии по эту сторону Тавра». *Ю.Н. Кузьмин* (Самара) в докладе «Политический статус Кратера, брата Антигона Гоната» показал, что Кратер, вероятно, был стратегом, под контролем которого находился гарнизон Антигоноидов в Коринфе. По мнению автора, устоявшаяся в историографии точка зрения о том, что Кратер контролировал также Пирей и некоторые эвбейские города, не имеет убедительных документальных оснований. *Н.Ю. Сивкина* (Нижегород) в докладе «Путч Хилона в Спарте в 218 г. до н.э.» подчеркнула, что Хилон, организовавший государственный переворот, не нашел поддержки у основной массы населения, так как не провел никаких социальных реформ и не организовал военных операций против Эллинской лиги. Автор пришел к выводу, что нет оснований считать Хилона промакедонским или проахейским ставленником, он надеялся устранить царя Ликурга и продолжить его политику, однако бегство спартанского царя разрушило его планы.

Еще два доклада были посвящены специально политике малоазийских властителей. В докладе *А.С. Балахванцева* (Москва) «Династии Митридатидов и Ариаратидов в свете новых исторических данных» рассматривались два сюжета, связанные с дочерью Антиоха II. В первом из них автор, основываясь на данных астрономических дневников из Вавилона, пришел к выводу, что настоящее имя селевкидской принцессы, вышедшей замуж за Митридата II, – не Лаодика (как считали прежде), а Апама. Во втором сюжете А.С. Балахванцев, анализируя вопрос о времени и обстоятельствах принятия правителями Каппадокии царского титула, выступает против распространенного мнения, что это явилось результатом женитьбы Ариарата III на селевкидской принцессе Стратонике. По мнению автора, в действительности принятию Ариаратом царского титула, очевидно, предшествовал захват им Катаонии, что, в свою очередь, доказывает верность Ариарата общеранской и эллинистической традициям, согласно которым царем мог стать только победоносный полководец. Доклад *О.Л. Габелко* (Казань) «Историческая интерпретация некоторых надгробных стел из эллинистической Малой Азии» был посвящен анализу двух стел с изображением батальных сцен, обнаруженных на территории древнегреческих полисов Киоса и Мирлеи. Автор пришел к выводу, что они отражают конкретное историческое событие – борьбу граждан этих городов с галатами, состоявшими, вероятно, на службе у вифинского царя Прусия I в последние годы III в. до н.э., несколько ранее захвата Киоса и Мирлеи Филишом V Македонским и Прусием в 202 г. до н.э.

Заседание завершилось докладом *А.К. Нефедкина* (Санкт-Петербург) «Конница эллинистических Афин». Докладчик показал, что в период эллинизма небольшая армия Афин базировалась на отрядах отборных воинов-эпилектов и всадников и значительном количестве наемников. С середины II в. до н.э., судя по эпиграфическим данным, наступает новый этап развития конницы Афин, связанный с использованием верховых дротикомстателей-тарентинцев. В период эллинизма, для которого характерен синкретизм культур, в военном деле Афин встречается как западное (тарентинцы), так и восточное влияние (наемники-катафракты в начале I в. до н.э.).

26 октября начала работу и секция по истории Рима, на первом заседании которой было представлено шесть докладов по различным проблемам раннего и классического республиканского времени (председатель – К.В. Вержбицкий). Первым был прослушан доклад *А.Н. Грешных* (Москва) «Ранняя римская религия». Доклад *Д.А. Кирюшова* (Санкт-Петербург) «Трактаты Сиккула Флакка и аграрная история архаического Рима» был посвящен проблемам развития землевладения в древнейшую эпоху римской истории на основании отрывочных данных, содержащихся в произведениях агримензора Сиккула Флакка (II в. н.э.). Автор затронул вопросы, касающиеся родового землевладения, двухгерового надела и системы межевания в ранних римских колониях, еще не столь развитой, как в позднейшее время, но уже имевшей четко очерченные цели и методы. В заключение автор подчеркнул исключительную важность трактатов Сиккула Флакка для изучения обозначенного круга проблем. В докладе *Л.П. Кучеренко* (Сыктывкар) «Военная карьера Аппия Клавдия Цека» была сделана попытка преодолеть чрезмерно скептическое отношение к полководческим талантам Аппия Клавдия, утвердившееся под влиянием римского историка Гита Ливия. Анализ военной деятельности Аппия Клавдия позволил автору сделать вывод о том,

что его командование в военных кампаниях было безуспешным. Изначально Аппия Клавдия отличалось видение взаимосвязи между военными неудачами римлян во второй половине IV в. до н.э. и недостатками римского государственного устройства, что вылилось в ряд принципиальных нововведений в период его цензурства. На этом же заседании секции по истории Рима были заслушаны доклады *В.А. Квашина* (Вологда) «Катон Старший и греческая медицина», *В.В. Семенова* (Санкт-Петербург) – «Тит Веттий и его рабы (к вопросу о характере движения)» и *Н.В. Бугаева* (Москва) – «Античная традиция о попытке освобождения сторонников Катилины».

Во второй день конференции утром продолжила свою работу секция по истории древней Греции (председатель – Э.В. Рунг). На заседании было представлено шесть докладов, посвященных, как и выступления на пленарном заседании, различным аспектам ранней греческой истории. С первым докладом на тему «Фесмофеты и раннее афинское законодательство» выступила *Л.А. Пальцева* (Санкт-Петербург). Ее главный вывод сводится к тому, что создание комиссии фесмофетов около середины VII в. до н.э. было связано, прежде всего, с записью норм обычного права как правовой основы судопроизводства. Вместе с тем автор отметил, что записанные фесмофетами *thesmia* наряду с древними установлениями включали и новые, продиктованные жизненной необходимостью нормативные акты, приближающиеся к законам. Деятельность фесмофетов, по мнению Л.А. Пальцевой, можно рассматривать как первый, подготовительный этап кодификации права в Афинах, в то время как законодательство Драконта представляло собой уже более зрелую стадию этого процесса. *В.Р. Гуцин* (Пермь) в докладе «Закон об остракизме и первые остракофории в Афинах» попытался выявить причины, которые вызвали острочку принятия закона об остракизме после его первоначального принятия при Клисфене. По его мнению, решающая роль в начале остракофорий принадлежала не какому-либо известному афинскому политику, но инициативе самого демоса, действовавшего, впрочем, по побуждению каких-то не известных нам политических лидеров. Доклад *С.М. Жестоканова* (Санкт-Петербург) «Основание Сиракуз» был посвящен одному из важнейших предприятий коринфской колонизации в районе Западного Средиземноморья. В докладе разбираются различные аспекты коринфского предания об основании Сиракуз, а также сведения о первых сиракузских правителях.

Три доклада на этом заседании специально касались сюжетов спартанской истории. *И.В. Макаров* (Санкт-Петербург) в докладе «Спартанские парфении» шла речь о различных версиях происхождения социальной группы парфениев в Спарте, автор попытался определить их положение в социальной структуре Спартанского полиса. В докладе *М.Э. Курилова* (Астрахань) «Обычные и полномочные посольства в спартанской дипломатической практике VI–IV вв. до н.э.» рассматривалась греческая дипломатическая терминология, особенности употребления греческими авторами терминов *ἄγγελος, πρέσβεις* и пр., а также порядок формирования и подотчетности посольств полисных институтам власти в Спарте. Особое внимание автор уделял различиям в функциях обычных и полномочных посольств. *Л.Г. Печатнова* (Санкт-Петербург) в докладе «Предание о гибели Клеомена I (предание и миф)» проанализировала древнее предание о гибели спартанского царя и современные версии этого события. Автору представляется вопреки сообщению Геродота о самоубийстве Клеомена как результате его безумия, что это было политическое убийство. Сам факт беспрецедентной в спартанской истории расправы над царем, по мнению Л.Г. Печатновой, свидетельствует о возросшей силе эфорта, который с гибелью Клеомена действительно превратился в высший исполнительный орган страны.

На утреннем заседании 27 октября была продолжена и работа секции по истории Рима (председатель – А.Б. Егоров). Заседание, на котором было заслушано шесть докладов, было посвящено периоду поздней Республики – ранней Империи (I в. до н.э. – II в. н.э.). Заседание началось с доклада *А.В. Громовай* (Москва) «Иоанн Малала о восточной политике Траяна», в котором рассматривалось предание о восточном походе императора Траяна (114–117 гг.) в том виде, как оно отражено во второй книге хроники византийского писателя Иоанна Малалы. Автор делает попытку обнаружить источники Малалы, полагая, что одним из них могла быть «Парфика» Арриана. Наряду с несомненно добротной информацией некоторые эпизоды, рассказанные автором хроники (например, история появления персов в Антиохии и их избиение римскими войсками), явно носят вымышленный характер или относятся к каким-либо другим историческим событиям (возможно, к войнам Валериана, Одената, Констанция II или Юстиниана), что, по мнению автора доклада, было одной из особенностей рецепции античной традиции византийскими писателями.

Ряд докладов был посвящен биографиям знаменитых женщин времени конца Республики – начала Империи и оценкам их реальной роли в римской политике. В докладе *М.В. Белкина* (Санкт-Петербург) «Язык Цицерона и шпильки Фульвии» была сделана попытка проанализировать взаимоотношения Цицерона и Фульвии, жены двух его заклятых врагов – Публия Клодия и Марка Антония. Автор показал, что в своих речах и письмах Цицерон, отмечая главные пороки Фульвии – жадность и жестокость, никогда не допускал в высказываниях по отношению к ней тех грубостей и непристойностей, которые адресовал ее мужьям. После убийства Цицерона, по сообще-

нию Диона Кассия, Фульвия не просто наслаждалась видом отрубленной головы оратора, но «вытащила язык и пронзила его шпильками», отместив Цицерону не столько за себя, сколько за своих мужей. Доклад *И.П. Портнягина* (Тверь) «Октавия, сестра Октавиана – идеальная матрона в эпоху эмансипации» был посвящен другой примечательной женщине эпохи конца Гражданских войн. Если Фульвия, как правило, получала весьма нежелательные характеристики в исторической традиции, то Октавия, напротив, считалась образцом красоты и добродетели, идеальной женой и матерью, стремящейся поддерживать мир между мужем и братом. Вместе с тем *И.П. Портнягина* подвергает идеализированный образ Октавии известному сомнению, полагая, что страдающая, проданная мужу сестра Октавиана была прекрасным орудием для дискредитации Антония и, вероятно, сознательно участвовала в сложной политической игре своего брата. Центральным персонажем доклада *К.В. Вержбицкого* (Санкт-Петербург) «Агриппина Старшая: женщина в политической жизни императорского Рима» явилась одна из самых ярких представительниц династии Юлиев-Клавдиев. Агриппина Старшая, внучка Августа и дочь Агриппы и Юлии Старшей, ставшая женой Германика, была несомненным воплощением материнства и супружества, верной жены и многодетной матери. Вместе с тем она унаследовала страстность своей матери, направив ее на борьбу за власть и влияние. Именно она, а не Германик, была подлинным центром оппозиции Тиберию. В качестве общего вывода докладчик отметил двойную роль женщин императорского дома: сохраняя чисто династические функции связующего звена, они начинают играть и самостоятельную политическую роль.

Последние два доклада на заседании этой секции касались правовых реалий времени Империи. Доклад *С.Г. Сердюковой* (Санкт-Петербург) «Реализация квазидинастического принципа при Антонинах» был посвящен сложным вопросам наследования власти у императоров династии Антонинов. *С.Г. Сердюкова* отметила, что многочисленные субъективные факторы обусловили отсутствие прямых династических связей между этими императорами и, как следствие этого, большую роль усыновления (*adrogatio* и *adrogatio*) как способа передачи власти преемнику. Антониевские усыновления, бывшие, разумеется, вынужденной мерой, со временем приобрели определенную идеологическую окраску, превратившись в так называемый принцип «выбора лучшего», который эти императоры даже противопоставляли строго династическому принципу. Вместе с тем *С.Г. Сердюкова* указала, что «выбор лучшего» не был изобретением Антонинов (элементы этой доктрины зародились уже в I в. до н.э.), а в выборе преемников обнаруживаются скрытые тяготы к подлинному династическому принципу. Заседание завершилось докладом *А.В. Махлаюка* (Нижний Новгород) «*Miles filius familias* (к вопросу о правовом, социальном и гендерном статусе римских легионеров в эпоху Империи)». Автор обратился к анализу вопроса о корреляции правовых привилегий, предоставляемых в эпоху принципата военным служащим в области наследственного и имущественного права, с их особым социопрофессиональным статусом и римским пониманием маскулинности, которое было неразрывно связано с обладанием властью, в том числе и *patris potestas*. Анализ юридических и других источников позволил *А.В. Махлаюку* прийти к выводу, что такие институты, как воинское заветование и лагерный пекулий, возникновение которых было непосредственно обусловлено потребностями и специфическими условиями военной службы в профессиональной армии, способствовали возвышению общественного статуса воинов и развитию их самосознания, в частности и с точки зрения римской концепции мужественности.

Утром 27 октября в секции «Периферия античного мира» (председатель – *Ю.Б. Циркин*) выступили семь докладчиков. Первым был прослушан доклад *А.Г. Грушевого* (Санкт-Петербург) «Бар-Кохба как администратор». По мнению автора, обнаруженные к настоящему времени папирусы, в том числе документы, исходящие от вождя иудейского восстания Бар-Кохбы, написанные либо им самим, либо писцом под его диктовку, показывают, что на территории, подвластной Бар-Кохбе, существовал твердый порядок администрирования, был налажен строгий учет всей хозяйственной деятельности. Вероятно, в распоряжении Бар-Кохбы, признанного «предводителем Израиля», оказались земли, ранее бывшие императорской собственностью и управлявшиеся при сохранении римских норм делопроизводства. Из документов можно сделать вывод, что Бар-Кохба хорошо знал принципы работы римского аппарата и использовал их для своих целей.

В ряде докладов, прочитанных на этой секции, обсуждались вопросы религии и мифологии древних народов. *Е.А. Захарова* (Нижний Новгород) в докладе «К вопросу об особенностях культа Геракла в Северном Причерноморье» отметила, что проникновение культа Геракла в этот регион произошло, вероятно, в конце VI в. до н.э. В V в. до н.э. культ героя начал распространяться по всей территории Херсонесского и Ольвийского государств, Боспора, а в IV–III вв. до н.э. поклонение Гераклу стало повсеместным. Причиной подобной популярности, по мнению автора доклада, стало возможное наличие у местного населения аналогичного божества, которое в эллинистическую эпоху стало сливаться с греческим Гераклом. При этом на первый план в синкретичном облике героя выходят функции защиты и отвращения зла. Культ героя в Херсонесе, Ольвии и Боспорском государстве носил официальный характер и пользовался поддержкой со стороны

правлящих кругов. В докладе *Е.А. Круглова* (Уфа) «Культ Аполлона Тельмесского (каро-ликийские истоки эллинистического учения Эвгемера)» был проведен анализ свидетельств археологии, эпиграфики и, частично, нумизматики юго-запада Малой Азии, а также нарративной традиции о раннем этапе культа Аполлона из карийско-ликийской Тельмессы. Материалы этого древнего сакрального центра (и святилищ сопредельных территорий Кари и Ликии), относящиеся к почитанию Аполлона и персонажей этого круга, имевшиеся здесь храмы, алтари, герооны и т.п., свидетельствуют о непрерывной «живой» традиции почитания аристократами культа предков, напрямую связанного с Аполлоном эпохи Троянской войны, вплоть до времени Эвгемера. В заключение автор подчеркнул, что карийско-ликийский материал вполне мог стать одной из составляющих известного «атеистического» учения Эвгемера о богах как некогда реально живших земных царях и героях Эгеиды и Балкан крито-микенской эпохи. В докладе «Культ Зевса-младенца в Аркадии» *Л.А. Рыбакова* (Нижегород) подчеркнула, что хотя мифологическая традиция связывает рождение и воспитание Зевса с островом Крит, существует достаточно значительный цикл мифов, которые относят эти события к другим местам, среди которых особенно выделяется Аркадия. Сравнение аркадского и критского культов Зевса-младенца показывает существование различий и на уровне мифологических мотивов, и на уровне ритуала. По мнению автора, это свидетельствует о том, что формирование аркадского культа шло независимо от Крита под влиянием верований догреческого населения Пелопоннеса.

Еще одна группа докладов касалась различных сюжетов поздней античной истории в странах Восточного Средиземноморья. В докладе *И.А. Ладьянина* (Москва) «Еще раз о перстнях "птолемеевского типа" из Северного Причерноморья (к возможности интерпретации в свете внешней политики эллинистического Египта в III в. до н.э.)» была предпринята попытка показать, что эти предметы искусства с изображениями царей и цариц Филадельфов и Эвергетов и Арсиной III могли быть престижными дарами гражданам причерноморских государств, связанных определенными контактами с державой Птолемеев. Эти контакты могли мотивироваться заинтересованностью Птолемеев в поставках причерноморского (прежде всего боспорского, что подтверждается концентрацией находок перстней) хлеба своим союзникам и опорным пунктам в Эгеиде в условиях, когда военные действия блокировали поставки египетского хлеба. Видимо, острее всего эта ситуация ощущалась в финале второй Сирийской войны в начале 250-х годов до н.э., а также в последовавшие за этим годы. *О.Ю. Климов* (Санкт-Петербург) в докладе «Полисный патриотизм в эллинистическую эпоху» отметил, что эпоха эллинизма, оказав значительное влияние на общественное сознание греков Востока, привела к смене ментальности, но при этом сохранились некоторые фундаментальные основы их политического мышления. По мнению автора, в сознании греков, которые проживали на территории эллинистических царств, не сформировалось понимание общности в рамках территориального государства, причастности к широкому политическому единству, не зародилось чувство общегосударственного, имперского единства и общегосударственного патриотизма. В массовом политическом сознании отдельный человек по-прежнему воспринимал себя членом общины, был патриотом полиса, с которым себя идентифицировал. В докладе «Проблема перебежчиков во взаимоотношениях гуннов и Восточной Римской империи» *Е.Н. Нечаева* (Санкт-Петербург) на основании анализа сообщений Приска о взаимоотношениях гуннов и Империи показала, что в данном случае речь идет не обязательно о физическом переходе тех или иных лиц, но часто о племенах или народах, которые были подвластны гуннам, но предпочли отпасть от них и заключить союз с императором.

Во второй половине дня состоялось третье заседание секции по истории Рима (председатель — *А.В. Махлаук*), где было представлено пять докладов. Два первых касались истории античного христианства. *А.Д. Пантелеев* (Санкт-Петербург) прочитал доклад на тему «Антихристианское законодательство Марка Аврелия». Исследуя положение христиан в правление Марка Аврелия, докладчик обратился к событиям 177 г. в Лугдунуме и Вienne, о которых сообщает Евсевий Кесарийский. *А.Д. Пантелеев* полагает, что в это время не издавалось никаких особых антихристианских законов, а причиной гонений стало появление *senatus consultum de pretiis gladiatorum minuendis*. В этом постановлении содержится упоминания о привилегиях Трех Галлиям: жрецам императорского культа давалось право дешево приобретать и использовать в качестве гладиаторов людей, приговоренных к смертной казни, что и привело к розыску христиан. Действием этого декрета объясняются и многие отступления от правовых норм. В докладе «Тропарь св. Авксентия Вифинского: исторический контекст и ментальность» *В.В. Васирик* (Санкт-Петербург) обратил внимание на обусловленность содержания сочинения одного из первых монашеских гимнографов историческими обстоятельствами и религиозной ситуацией середины V в. н.э.

Три доклада на том же заседании трактовали вопросы военной истории. *Н.А. Дьяков* (Вологда) выступил с докладом «К вопросу об эволюции политики Римской империи по отношению к варварам во второй половине III — начале IV в.». Автор указал, что после кризиса III в., в ходе которого Римская империя значительно пострадала от набегов, возникла необходимость значитель-

но перестроить политику по отношению к варварам. Во-первых, изменился характер военных действий по отношению к пограничным племенам (вторжения римлян вглубь варварских территорий). Во-вторых, римляне стали вести активную переселенческую политику, размещая союзные им племена на своих пограничных территориях на правах федератов, что стало своего рода компромиссом между варварами, стремившимися получить новые земли, и Римом, желавшим сохранить свою государственную целостность. Таким образом, по мнению автора, Римская империя, по крайней мере, в конце III – начале IV в. успешно регулировала этнические процессы в варварском мире. В докладе *А.В. Банникова* (Санкт-Петербург) «Кризис римской военной системы в начале V в.» был предложен и аргументирован вариант ответа на вопрос о причинах конечного упадка и краха военной организации Западной Римской империи. По мнению докладчика, причины эти заключались, прежде всего, в тяжелейшем финансовом кризисе, который сделал невозможным для западноримских властей ни содержание регулярных воинских частей, ни привлечение наемных варварских контингентов. *О.В. Пржигодзская* (Санкт-Петербург) в докладе «Политическая деятельность Аспара» рассмотрела спорные вопросы политической биографии одного из самых высокопоставленных государственных и военных деятелей Восточной Римской империи в середине V в.

Во второй половине дня 27 октября проходило заседание секции по античному источниковедению (председатель – В.Р. Гуцин), на котором состоялось четыре выступления. В докладе «Дельфийские информаторы Геродота» *И.А. Мутных* (Санкт-Петербург) высказала предположение, что Геродот в своем труде опирался не только на устные сообщения, но и широко использовал письменные источники, в частности архивы Дельфийского святилища. *А.А. Синицын* (Саратов) в докладе «Софокл, Геродот и египетские диковинки» проанализировал небольшой отрывок из не дошедшей до нас трагедии Софокла «Следопыты». Автор возражает против устоявшегося в науке мнения о заимствовании Софоклом у Геродота сведений о фауне древнего Египта. *Д.А. Щеголов* (Санкт-Петербург) выступил с докладом «Индия в географических концепциях Эратосфена и Гиппарха». Автор высказал мнение о том, что Страбон, в труде которого излагаются взгляды античного географа Гиппарха, допустил некоторую неточность, что представляет в невыгодном свете позицию Гиппарха в его заочном споре с Эратосфеном. В докладе *М.П. Трофимова* (Пермь) «Особенности композиции “Исторической библиотеки” Диодора Сицилийского» было отмечено, что в первых шести книгах труда Диодора излагается его историческая концепция, а также дается введение ко всему произведению, которое автор доклада по аналогии с «Историей» Фукидида называет «археологией».

В этот же день, 27 октября, во второй половине дня работала секция по историографии античной истории (председатель – О.Ю. Климов), на которой было обсуждено три доклада. *Н.Ю. Старкова* (Ижевск) в докладе «Некоторые проблемы спартанской истории в современном антиковедении Германии» представила анализ наиболее важных исследований, посвященных изучению древней Спарты, которые появились после историографического обзора К. Криста. В докладе сделан акцент на изучении работ М. Клаусса, Х.-Й. Герке, Г. Вальзера, Х. Бека, Э. Балтруша, С. Линка и К.-В. Вельвея. В заключение сделан вывод, что на рубеже XX–XXI вв. для германского антиковедения характерно заметное усиление внимания к изучению спартанской истории. *Г.С. Самохина* (Санкт-Петербург) в докладе «Семьдесят лет научной дискуссии: проблемы хронологии эпохи диadoхов» на основании анализа работ XX в. (1927–1998 гг.) сделала ряд важных наблюдений. Она отметила, что в современной историографии имеются как сторонники «низкой», или поздней, датировки событий после смерти Александра, ведущей начало от работы Э. Манни, так и «высокой», или ранней, датировки, которая восходит к хронологическим выкладкам К.Ю. Белеха, а в 1961 г. получает поддержку Л. Смитя. При этом, хотя сторонники последней, как кажется, преобладают, нельзя говорить об окончательном решении этого вопроса. Далее, как указала докладчик, современные ученые в хронологических расчетах по-прежнему опираются, прежде всего, на греко-римские источники, так как надежда на восточные документальные данные себя не оправдала: все они, за исключением вавилонской «Хроники диadoхов», не могут помочь при решении спорных проблем хронологии эллинизма. В докладе *Е.В. Никитюк* (Санкт-Петербург) «Историк античной культуры Б.В. Варнеке» был дан аналитический обзор трудов ученого, посвященных изучению театральных традиций Греции и Рима. Рассмотрены были работы Варнеке, в которых анализировались трагедии Еврипида, комедии Плавта и Теренция, а более всего техническая сторона театральных постановок, равно как и заимствования драматургией нового времени элементов античной (римской) комедии.

Работа конференции завершилась состоявшимся утром 28 октября вторым пленарным заседанием, на котором было прослушано пять докладов самого разнообразного содержания, но, как было признано слушателями, одинаково интересными. *А.В. Горохова* (Москва) в докладе «Знаковые и экстагические оракулы в Греции, Египте и Хеттском царстве (сравнительная характеристика)» попыталась сопоставить названные религиозные институты, имевшие широкое распростра-

нение в различных областях древнего мира. Автор отмечает, что знаковые оракулы существовали повсюду, экстатические были присущи Элладе, хотя у хеттов, по данным источников, они также имели место. А.В. Горихова указала на бытование в Греции большого количества оракулов, влиявших на межполисные отношения, в то время как в Египте большая часть сохранившихся прорицаний касается более частных вопросов и редко – вопросов внешней политики. В докладе С.Г. Карлюка (Москва) «Зима и зимние кампании в “Истории” Фукидида» была сделана попытка прояснить, почему Фукидид не любил зиму и почти не описывал достаточно привычные для греков снег и холода. На основании анализа «Истории» автор делает вывод, что афинский стратег Фукидид не ожидал зимнего наступления Брасида на Амфиполь и поэтому оставался на Фасосе, в непоправимом отдалении от театра военных действий. А историк Фукидид стремился если не оправдать, то объяснить оплошность стратега, и введение в фукидидовской «Истории» «зимней кампании» как хронологической единицы преследовало именно эту цель.

А.Б. Егоров (Санкт-Петербург) в докладе «*Damnatio memoriae* и проблемы контроля общества над императорской властью» отметил наличие двух категорий мнений исследователей по поводу системы принципата. Исследователи, считающие принципат «чистым» вариантом монархии или монархии с республиканским фасадом, склонны подчеркивать фактическое господство императорской власти и подчиненность или фиктивность олицетворяемого сенатом республиканского начала. Напротив, сторонники теорий «диархии» и «конституционной монархии» видят в сенате пусть не всегда равноправного, но достаточно полноценного партнера императорской власти. По мнению А.Б. Егорова, анализ смещения императора волей сената (Нерон, Дидий Юлиан, Максимин), равно как и действия против памяти убитых правителей (Домициан, Коммод), указывает на наличие формального, легитимного права сената на детронизацию правителя, что отличает принципат от обычной монархии. Смещение императора и *damnatio memoriae* признавались римским обществом как официальная оценка, имеющая нормативный характер.

В докладе «Галльский Марс Цезаря и кельтский Тевтатес Лукана» Н.С. Широкова (Санкт-Петербург) подчеркнула, что среди галльских богов на третье место после Меркурия и Аполлона Цезарь ставит Марса, о характере и функциях которого дают представления изобразительные памятники из римской Галлии и надписи римского времени. Прозвище галльского Марса Тоутатис (Теутатис, Тутатис) связывает его с кельтским богом Тевтатесом, которого упоминает в своей поэме «Фарсалия» Лукан и которого схолиасты Лукана идентифицируют то с Марсом, то с Меркурием, приписывая ему кровавый культ человеческих жертвоприношений. По мнению Н.С. Широковой, возможно, что Марс Цезаря и Тевтатес Лукана являются ипостасями верховного бога кельтов Луга.

Последним во втором пленарном заседании выступил А.Д. Рудоквас (Санкт-Петербург) с докладом «*Usus hodiernus Pandectarum* – о применении римского права в наши дни», в котором автор обратил внимание на то, что в некоторых странах римское право продолжает применяться и по сию пору. В Европе, например, такая ситуация наблюдается в небольших государствах Сан-Марино и Андорра, а также в Шотландии, где частью правовой системы признается римское право наряду с английским *common law*. В настоящее время опыт таких смешанных правовых систем привлек внимание архитекторов нового гражданского права для Европейского Сообщества. Это направление в западноевропейской юриспруденции получило наименование «неопандектистика». Его влияние заметно уже и в практике Верховных судов ряда стран Европы, которые используют римское право при интерпретации норм национальных гражданских кодексов (Италия, Германия). Таким образом, в начале XXI в. такая заметная часть античного наследия, как римское право, переживает новую волну актуализации.

Подводя итоги, можно признать большую плодотворность проделанной на очередных Жебелёвских чтениях работы. Конференция объединила большое количество антиковедов России. Было прослушано и обсуждено около 60 полноценных научных докладов, представивших результаты исследовательской деятельности специалистов разного профиля и разных интересов. Обращают на себя внимание такие особенности конференции, как повышенное внимание к темам ранней и поздней истории античности, хотя нельзя сказать, что сюжеты классических периодов греческой и римской истории были вовсе обойдены молчанием. Отчетливо проявился интерес к эллинизму, к зонам взаимодействия классической (античной) и неклассических цивилизаций (Египет, Передний Восток, Причерноморье). Наконец, бросается в глаза активная разработка различных аспектов античных религий, включая и античное христианство. Последнее понятно как реакция на долгое недостаточное внимание к этим темам в науке советского времени. В заключение, как нам кажется, не будет преувеличением сказать, что седьмые Жебелёвские чтения явились значительным событием в жизни отечественной науки об античности.